

Человек рождается, принося с собой лишь брентную оболочку. Подобно дому, который возводят кирпич за кирпичом, эта жизнь от свежей кладки до обветшалых стен пролетает всего за восемьдесят лет.

Здесь живут постояльцы, отдавшие в залог всю свою жизнь. Восемьдесят лет они вкушают радости, а потом — внезапный порыв ветра, рушится хрупкий домик, и наступает пробуждение. Ушли люди, опустели комнаты, покрылись пятнами мха, увяли цветы, поблекли краски осени. Будь то сердечная рана или горечь разлуки, слезы, застилающие взор, — в итоге лишь взмах пустой рукой, и полная растерянность перед лицом неизбежного.

Все собравшиеся, понутив головы, в белых траурных повязках, уже завершили обряд прощания. Несмотря на небольшую заминку, в целом всё прошло гладко.

Пришло время проводить родных покойной к печи для кремации.

Сюй Тай, с покрасневшимся лицом и холодными руками, следовал за Цзян Мэнци в толпе.

Сюй Тай робко разжал пальцы, которыми держался за руку Цзян Мэнци, и, надув щеки, виновато пробормотал:

— Цзян Мэнци... только что... я не нарочно.

— Ты столько раз меня злил, что если я начну сводить счета, то недолго и до инфаркта, — Цзян Мэнци уперла руки в бока и отвернулась, надув свои пухлые губки.

— А? Я...

— Пф! Трус... По-моему, ты просто пересмотрел ужастиков. В голове одни проклятия да призраки, никакой серьезности.

— Я! Я не трус! — Сюй Тай попытался возразить, залившись краской, точно испуганная кроваво-красная рыба-фугу.

— Тогда докажи! — Цзян Мэнци показала ему язык и указала вдаль. — Трусилка, слабо хоть взглянуть туда?

Честно говоря, Сюй Тай подоспел как раз вовремя. Механизмы с лязгом пришли в движение, выполняя свою работу. Гроб, ровно стоявший на холодном постаменте, медленно скользил в бездонную пустоту, словно в ненасытную бездну. Входило туда живое тело, а выходила лишь горсть праха, которую упаковуют в тесную урну, предадут земле или развеют по ветру в виде тонкой струйки дыма — и в этой жизни больше не будет ни взлетов, ни падений.

Мать Цзян Синькэ рыдала, вцепившись в гроб и не желая позволить кремировать тело дочери.

Ее крики разрывали сердце. Кто, кроме родителей, хоронящих своих детей, может постичь глубину этой муки? Окружающие изо всех сил пытались оттащить безутешную женщину. Каждый из них чувствовал укол жалости, но кто может спасти другого, если не способен спасти самого себя? И у кого хватит мужества и широты души, как у Чжуан-цзы, бить в таз и петь над телом усопшей супруги? Кто готов равнодушно смотреть, как родной человек превращается в пепел, оставляя после себя лишь сухие кости?

Скорбная песнь звучала в пустоте. Вспоминая недавнюю мягкость и обаяние Цзян Синькэ, ее улыбки и каждое движение, исполненное грации, трудно было понять, откуда берется столько печали. Она была невинно убиенной, но не злым духом. Она ненавидела их, но никогда не желала им зла. А те, кто продолжает влачить жалкое существование, совершают ошибку за ошибкой, не желая оставить ее в покое. Как жаль, что такой добрый человек, который должен был прожить тихую жизнь, пал жертвой чужих подозрений и встретил столь трагический конец.

У Сюй Тая была своя печаль, и плач окружающих казался ему чем-то далеким.

— Цзян Синькэ, проснись... научи меня играть в карты...

Он все еще не мог оправиться от горя, как вдруг его слух резанул пронзительный вопль, переходящий в леденящий душу смех. Или нет? Почему это превратилось в крик? Возможно, все было не так просто, как он думал. Наивный Сюй Тай считал, что Цзян Синькэ была лишь пешкой в чужой игре, жертвой, которую использовали сильные мира сего.

Но он ошибался.

Сюй Тай широко открыл глаза. Сияющая улыбка на фотографии сменилась искаженной от ужаса гримасой. На этом лице читались лишь гнев, ярость и еще раз ярость. Девушка кричала, проклиная тех, кто погубил ее.

— Цзян Синькэ! Хватит играть! Это совсем не смешно!

Сюй Тай отступил на несколько шагов, указывая на фото. Это был самый страшный момент — только что обретенная уверенность рухнула. Он снова попытался убедить себя, что это лишь злая шутка, что душа Цзян Синькэ обрела покой. Но этот розыгрыш зашел слишком далеко.

Взрослым было не до состояния Сюй Тая — они прощались с гробом, медленно уходящим в печь. Мать Цзян Синькэ упала в обморок, и ее вынесли наружу.

— Да что со мной сегодня такое? — Сюй Тай, долго сдерживавшийся, наконец взорвался яростью. — Цзян Синькэ! Я тебя не боюсь! Выходи! Давай сыграем в карты! Если ты смелая, давай партию!

Машина продолжала гудеть, словно Цзян Синькэ отчаянно сопротивлялась, но никто этого не

видел. Только глазам Сюй Тая все открывалось в пугающих подробностях. Его крики тонули в грохоте механизмов, никто не слышал этого противостояния.

Гроб казался прозрачным, как стекло. В глазах Сюй Тая он был ледяной тюрьмой, где томился окутанный черным дымом демон, бьющийся в конвульсиях и беззвучно взывающий к миру.

Цзян Синькэ не собиралась обращать на него внимания. Внезапно она открыла глаза — лицо ее исказилось от злобы. В руках у нее оказалась кукла, обвитая ядовитыми лианами. У куклы были длинные волосы, большие живые глаза и белое платье, большая часть которого была пропитана кровью. Местами ткань порвалась, обнажая искусно сделанное тело, белое и соблазнительное, как кожа живого человека. Но пугало больше всего ее выражение — не то улыбка, не то оскал.

Сюй Тай с ужасом заметил, что кукла улыбается ему. Он протер глаза, не веря увиденному, и обнаружил, что сшитый рот куклы разошелся, обнажив острые зубы в кровавых пятнах. Она открыла рот:

— У всего есть причина, будет и следствие!

Это... это же кожа Цзян Синькэ! Кукла, сделанная из ее кожи! А настоящая душа Цзян Синькэ исчезла, превратившись в марионетку или обратившись в прах. Сюй Тай понял, что перед ним совсем не та мягкая и кроткая девушка.

Он подбежал к гробу и, колотя по крышке, закричал на куклу, его глаза налились кровью от ярости:

— Что ты сделала с Цзян Синькэ!

— Выпусти меня... я расскажу тебе...

Сюй Тай заколебался. Он заметил, что на краю гроба Мо Юй наклеил желтую печать, которая намертво запечатала куклу внутри.

— Выпустить...

— Да! Сорви печать... и я расскажу тебе, я даже могу воскресить Цзян Синькэ... Ну как?

Воспоминания проносились перед глазами, как пленка в проекторе. Сюй Тай, чьи руки стали холодными, как лунный свет, решил пойти ва-банк. Может, она действительно может ее воскресить?

Он медленно подошел к краю гроба, где ярко алела кроваво-красная печать.

— Да, те злодеи хотят, чтобы Цзян Синькэ сгинула навсегда, поэтому и наложили это заклятие. Ее душа заперта здесь, если ее сожгут, она никогда не вернется!

Движущаяся платформа вдруг замедлилась, словно застыв в мгновении, ожидая, пока Сюй Тай сорвет печать.

— Открой... помоги ей, помоги себе...

— Открыть... но ведь эту печать наложил даос по имени Мо Шанцин.

— Да! Открой! Поверь мне! Этот странный Мо Шанцин — вовсе не добряк. Он хочет завладеть тобой, вытянуть твой духовный корень, чтобы получить еще большую силу!

— Но... он спас мне жизнь...

Сюй Таю хотелось верить, что Мо Шанцин хороший. С самой первой встречи это было похоже на любовь с первого взгляда, на невыносимую тоску по тому, что было потеряно тысячелетия назад. Он признавал, что в глазах Мо Шанцина скрыта вечная, ледяная жажда убийства, от которой его бросало в дрожь. Но, повинуясь неведомо откуда взявшейся смелости, он надеялся, что даже если сердце его холодно, рядом с ним будет тепло, как весной, пусть даже он сам будет весь в шрамах.

Он не был тем злодеем, каким его описывала кукла — расчетливым интриганом, использующим его ради силы. В его суровом взгляде таился юношеский пыл, который не угас с годами.

— Это лишь уловка! Отпусти меня, и я расскажу тебе всю правду! — Кукла, видя колебания Сюй Тая, злобно истолковала его спасение.

— Отпустить тебя! Невозможно! Я скорее поверю тому даосу!

— Я — кукла-прорицательница! Я вижу прошлое и будущее! Мо Юй запечатал меня, потому что боится, что я раскрою его коварный замысел!

Сюй Тай снова засомневался. Не то чтобы он не верил Мо Юю, но слова куклы о предсказании будущего ослепили его:

— Ты... правда... знаешь мое будущее?

— Да! Я видела тебя... из-за него ты погибнешь в адском пламени!

— Из-за него?

— Да! Именно из-за Мо Юя! Это он погубит тебя! Заставит вырвать собственное сердце, превратит в труп!

Сюй Тай слушал, затаив дыхание, по коже ползли мурашки, мир вокруг начал рушиться. Он не мог упустить ни слова:

— Говори дальше!

— Открой... и я расскажу тебе все...

Сюй Тай отбросил все сомнения. Даже понимая, чем грозит освобождение куклы, он не мог дожидаться, чтобы узнать свою судьбу. Он сорвал печать с гроба.

В это время Мо Юй, примчавшись в Павильон Бодхи, обнаружил, что Сюй Тая там нет. Узнав от Чжангуя, что тот убежал, он почувствовал, как внутри все перевернулось, и его вырвало черной кровью. Он бросил взгляд в сторону печи для кремации, предчувствуя, что печать снята.

— Плохо дело, — холодно произнес он.

— Господин Мо! Те люди использовали мое тело, чтобы создать куклу-прорицательницу, и одурачили Сюй Тая!

Мо Юй вытер черную кровь с губ и холодно усмехнулся:

— Глупый мальчишка! Ты попался на крючок!

Раздался грохот — двери закрылись. Люди разошлись по комнатам ожидания, и лишь Сюй Тай стоял там, ошолобенный.

— Поздно... — Мо Юй, услышав лязг закрывшихся дверей, опустился на колени, опираясь руками о холодную плитку. Он был измотан до предела, в одиночку противостоя тьме, терзаемый коварными врагами.

Кукла-прорицательница! Возрождение в огне! Зло, порождающее мир!

В тот момент, когда двери захлопнулись, кукла превратилась в сгусток кроваво-красной ярости, просочилась сквозь щель и взмыла в небо, неся миру бедствия.

Никто не заметил появления куклы, лишь Сюй Тай все еще ждал ответа о своем будущем, но обнаружил, что кукла исчезла.

— Все кончено... — прошептал он, чувствуя, что натворил дел, но не смея признаться.

— Эй, пойдём или нет? — Цзян Мэнци похлопала его по плечу, возвращая в реальность.

— Я... я в порядке! — Сюй Тай постарался избежать расспросов, потупив взгляд, и, разгладив хмурые брови, поплелся следом за ней.

Чувствительного Сюй Тая все же мучил странный вопрос: Цзян Синькэ ведь была ее двоюродной сестрой, почему же на лице Цзян Мэнци не было ни тени печали?

Увы, он был слишком наивен, чтобы понять, что им манипулируют, загоняя в ловушку за ловушкой. Ему стало стыдно за свое любопытство: возможно, Цзян Мэнци, как и он, толком не знала Цзян Синькэ? Зачем ломать голову? Вскоре они, догоняя друг друга, покинули это место, пропитанное злом и проклятиями.

— Было бы здорово, если бы ты мог всегда оставаться таким счастливым... — позади них, неподалеку, стоял юноша в черном халате с золотым драконом. Его волосы были собраны золотым венцом, на поясе — темно-синяя лента, в руках — веер из красного дерева. На веере золотыми буквами было выведено лишь одно слово: Преисподняя. Юноша смотрел им вслед, пока они не скрылись вдаль.

— Как жаль, что ты не можешь навсегда остаться ребенком, беззаботным и чистым, чтобы больше не ввязываться в эту распря трех учений...

<http://bllate.org/book/22324/2338163>